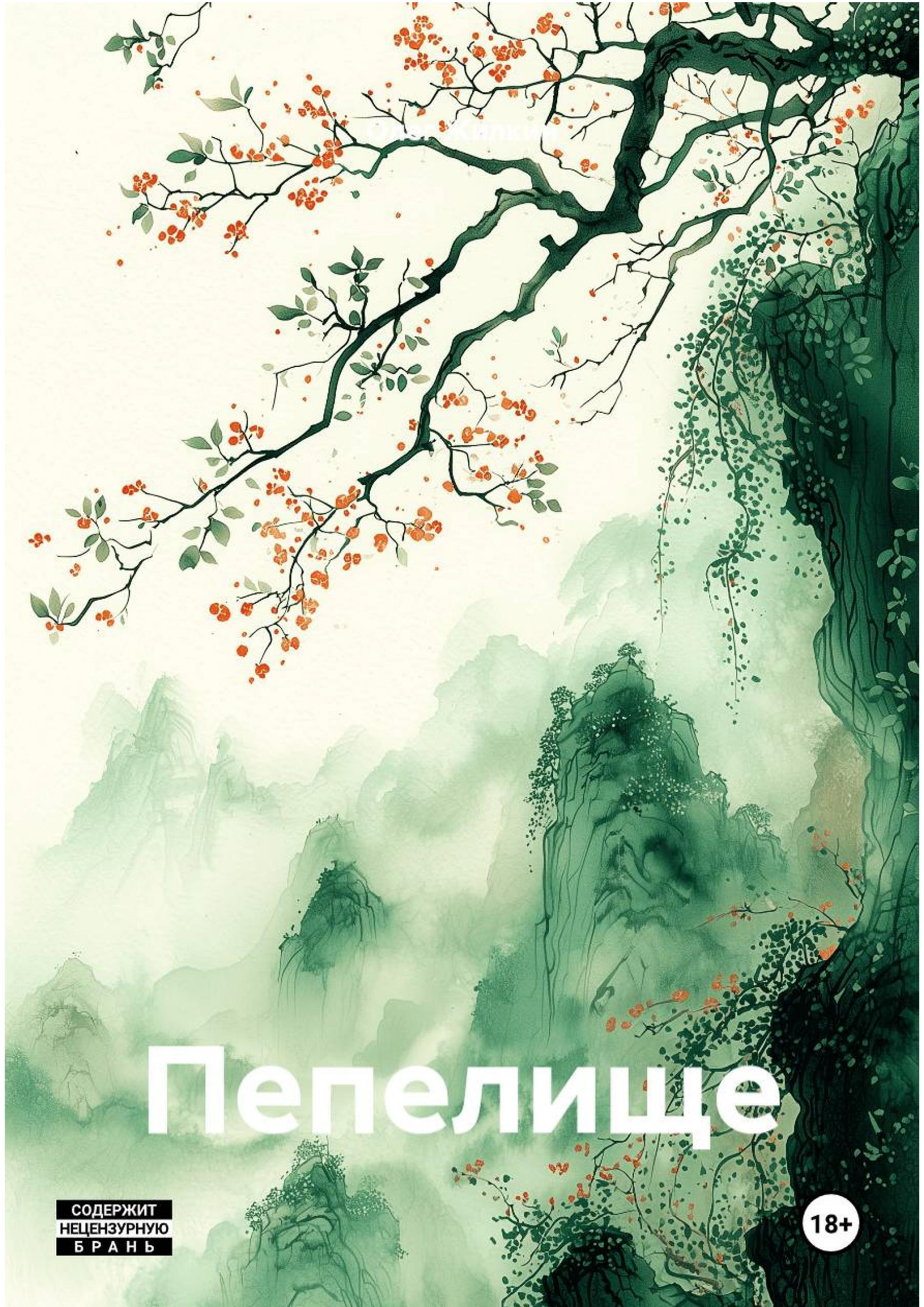

The background of the entire page is a traditional Chinese ink wash painting. It depicts a misty mountain landscape with several peaks. In the foreground, a large, gnarled tree with dark green branches and clusters of small red berries or flowers extends from the top right towards the center. The style is characteristic of classical Chinese art, with fine lines and soft washes of color.

Пепелище

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Жилкин

Пепелище

«Автор»

2025

Жилкин О. Н.

Пепелище / О. Н. Жилкин — «Автор», 2025

В фокусе повествования тема дома. Словно археолог, автор вскрывает слои памяти, исследует состав почвы, меняющийся согласно эпохе, надеясь поднять из земли артефакты, указывающие на то, что являлось сутью того времени, в котором человек то терялся, уходя на второй план, то появлялся вновь, в той роли, которую ему предписывают обстоятельства, место рождения, социальный статус. В мелькающих декорациях: Украина, Сахалин, Сибирь, Кавказ, Москва, Америка, тюремная камера, армейская казарма, байкальский берег - незыблемым остается желание героя ухватить то, что может удержать его на поверхности. Для рассказчика важны любые свидетельства: частые включения прямой речи дают это ощущение присутствия, которое и отличает повествования в жанре реальной истории от художественной прозы. Но так ли существенно это отличие, в ситуации исследования, целью которого является преодоление личной зависимости от фантомов, да так, чтобы не выплеснуть с водой и ребенка?

© Жилкин О. Н., 2025

© Автор, 2025

Олег Жилкин

Пепелище

Снился мой дом в Америке, куда я пришел с другом, который забыл в нем полотенце, а я вызвался его вернуть, рассчитывая, что там никого не будет, но дом был полон гостей. Хозяева, завидев нас, приглашали войти, но я отказался, наблюдая издалека. Из дома выбежала ватага ребятни, среди которых я заметил младшую дочь Машу, но та не выказала никаких эмоций, тоже наблюдая за мной издалека. Наконец я решился подойти к ней, – у нее было лицо брошенного ребенка. Я не удержался и спросил, как ей живется, на что она ответила:

– Я хочу домой!

У меня сжалось сердце от жалости.

– Хочешь я возьму тебя на ручки?

– Я хочу на ручки и домой. – ответила она, и на меня вновь накатило сожаление. Я не в силах вернуть ей потерянное. Кому нужна моя жалость и запоздалые сожаления. У каждого своя жизнь – это довольно жестокая истина, требующая соблюдения дистанции, и это вовсе не мой выбор.

Похоже на то, что все члены моей семьи обречены вести бездомное существование. Я к этому уже приспособился. Творчеству это не мешает. Дом сильно обременяет, к нему привязываешься, а большинство сюжетов приходят в дороге. Совсем уж бездомным я никогда не был. Лишь однажды в пятом классе я ушел из дома и сутки бродяжничал, путешествовал на товарняках, электричках, но потом все-таки вернулся, когда мои вельветовые туфли совсем распозлились. Тогда я понял, насколько я привязан к теплему очагу. Старшая дочь повторила мой подвиг, но уже будучи восемнадцатилетней, прошлявшись без денег на улице двое суток, в чужой стране. Я был настолько туп и жесток, что позволил ей пережить этот опыт. Однажды меня поразила мысль, что я прививаю своим детям ген сиротства, который унаследовал.

а шмель уже в цветке

Мои скитания начались в 1968 году в Иркутске, когда мама с папой, отправились искать свое счастье на Украину. Так мы оказались в бараках, через дорогу от старого кладбища, где прожили восемь лет, пока маме не дали двухкомнатную квартиру. И хотя в бараках не было водопровода, парового отопления и канализации, устроены они были довольно разумно, с общественными уборными, сараями, и даже участками земли, закрепленными за каждым домохозяйством, где семьи имели возможность разбить огород и выращивать овощи. В бараках прошло мое детство. Я до сих пор помню каждую деталь того необремененного излишествами быта, наши игры на пустыре за огородами, костры, в которых мы выплавляли свинец из вышедших из строя автомобильных аккумуляторов, пекли картошку, курили отцовские сигареты. В сараях у каждой семьи был свой погреб, в где хранилась консервация, картошка, варенье. Отец смастерил клетки и держал в сарае кроликов, надеясь разбогатеть на выделке и продаже шкурок. Когда кролики однажды передохли, их сменили куры. Я каждый день проверял кладку и часто вознаграждался свежим яйцом, которое выпивал из проделанного цыганской иглой отверстия.

В мое детство мальчикам надевали пояса с резинками, на которых крепились металлические застёжки, удерживающие плотные чулки коричневого цвета от сползания вниз. Трехлетним пацанам не приходило в голову задаваться вопросами, почему это так напоминает женские аксессуары, но возни с ними было предостаточно, поэтому я их и запомнил.

Детский сад находился на городской окраине, и был он круглосуточного типа.

Перед обедом давали столовую ложку противного рыбьего жира, и он портил все удовольствие от еды, перебивая вкус. Однажды я вылил ложку рыбьего жира себе в суп, надеясь,

что противный вкус в нем растворится, но в результате мне пришлось съесть полную порцию супа, который отвратительно вонял рыбой, а жир плавал по поверхности большим желтым пятном. Зимой нас выводили на улицу и с чердака сбрасывали санки, но их было мало и на всех не хватало – обычно их расхватывали ребята постарше.

Спальное помещение было густо заставлено кроватями, рядом со мной спал Витя Сова, его мама работала крановщицей, а отца не было вовсе, поэтому его из детсада забирали только на выходные. Меня оставляли на ночь не так часто, но я успел запомнить то неприятное чувство обреченности, которое обычно я испытывал, когда меня ставили перед фактом.

Ночная группа детского сада запомнилась тайными вылазками в туалет. Нянечки по какой-то причине не разрешали пользоваться туалетом ночью. Дети, кто постарше, крадучись пробирались к сортиру, а если нянечки ухитрялись их засечь, те с диким ревом и хохотом прорывались через кордоны. Младшие предпочитали терпеть. Однажды случилось так, что терпеть уже не было никаких сил. Какой-то шутник предложил мне пописать в постель соседа. Рядом стояла кровать Вити Совы – мальчика воспитывала одинокая мама, работавшая крановщицей. Помню, что писал я очень долго, так долго, что на Витиной постели не осталось сухого места. Сам Витя стоял на краю кровати, прижавшись к стене спиной, и с ужасом наблюдал за происходящим.

В качестве воспитательной меры, наши постели поменяли. Две ночи я спал в мокрой Витиной постели, а он спал в моей. К исходу второго дня, спать уже было не так противно – постепенно я высушил простыни своим телом и тогда воспитатели решились на их замену. За два дня я провонял мочой, но никого это особо не волновало, у моих родителей были дела поважней.

Я наивно предполагал, что это останется незамеченным и куда-нибудь сказочно исчезнет само собой, однако все оказалось гораздо хуже – меня переложили в кровать Вити, а Витя оказался в моей постели. К исходу второй ночи постель подсохла, и лишь неприятный запах напоминал мне о ночном кошмаре. Боюсь, что Витя был травмирован происшествием не меньше моего. В старших группах он отличался повышенной нервной возбудимостью. Несмотря на то, что это уже был другой детский сад, гораздо лучше прежнего, отношения с педагогическим коллективом у Вити не сложились. Он терроризировал воспитательниц, показывал им язык, а когда они срывались и хлестали его по лицу, он не сдавался и показывал им фиги.

Я никогда не видел Витину мать, но он рассказывал, что она называет его скотом безрогим, и у меня сложилось представление, что эта суровая, чуждая сантиментов женщина, держит Витю Сову в ежовых рукавицах. Однажды, во время утренней прогулки, я вдруг увидел женщину, которая подошла к ограде детского сада, и Витя бросился к ней. В руках у нее была хозяйственная сумка, она достала из нее мандарины, и стала одаривать ими детей, что было неслыханно, поскольку они стоили так дорого, что мы даже поначалу не поверили своему счастью. Но счастливей всех был Витя, которого мать впервые забрала из детского сада посреди белого дня.

в моей душе приоритетов нет,
я утро начинаю как обычно,
уже то хорошо, что это утро,
в запасе целый день,
как в детстве -
если встанешь рано,
все спят еще, а шмель уже в цветке,
еще не жарко, утренняя тень ознобом дышит -
в ней холод погребов,
и плесени дурман
в кладовках ветхих, где стоит варенье,

в стеклянных банках в шаях паутины,
и ржавой крышкой замурован вход
в тот день, в то утро, в палисадник детства.
Все спят еще, а шмель уже в цветке

Этим шмелям поначалу от меня доставалось. Я убивал их, зажимая пушистое тельце между лепестками голыми пальцами, пока однажды один из них не ужалил меня, и я усвоил урок на всю жизнь. Жизнь в бараках плотно соседствовала со смертью, и, хотя она и пугала своей близостью, но и завораживала тоже.

Кладбище было старым, на нем уж лет двадцать как никого не хоронили, густо заросшим кустарниками и деревьями, и поэтому особенно жутким в ночную пору – глубоким и непроходимым, как сказочный лес, населенный покойниками и привидениями. Полу обвалившийся склеп цыганского барона служил главным источником кладбищенских легенд. Поговаривали, что смельчака, отважившегося забраться в него, ожидали столы, заставленные винами, водкой и коньяком. По легенде, этот удалец, испив их, там же и заснул, а когда в беспамятстве проснулся ночью, немедленно умер от разрыва сердца, испугавшись той мрачной обстановки, в которой оказался.

Самая короткая тропинка к остановке автобуса пролежала через погост. Всякий раз приходилось собирать волю в кулак, чтобы пройти этот путь. Самые распространенные на кладбище деревья – алый сирень и вишня. Однажды я даже отважился собирать здесь ягоды, и мне все еще памятно то состояние тихого ужаса, которое я испытал, сидя на ветке с молочным бидоном в руке, посреди погруженного в тишину и сумрак погоста. Время шло медленно, бидон не наполнялся, вишня лопалась в пальцах и алый, липкий сок сбегал по непослушным, потным от страха ладоням. Кладбище смотрело на меня во все глаза и, казалось, мечтало поглотить в себя, как легкую жертву, забредшую на берега реки, кишашую крокодилами. Хотелось все бросить и бежать сломя голову на яркий солнечный свет, в шум улицы и краски дня. Помню, как странно звучали голоса родителей после возвращения, потребовалось какое-то время, чтобы успокоиться и привыкнуть к голосам живых людей после того, как ты провел какое-то время в гробовой тишине, слушая дыхание мертвого моря.

Впрочем, тихо и пустынно здесь было не всегда. На родительский день кладбище заполнялось подвыпившей публикой, щедро одаривавшей детвору конфетами и печеньем. Однажды мне пришлось есть рисовую кашу с изюмом, которой угощала грустная пожилая семейная пара. Каша была ослепительно белой и холодной, она застревала в горле, но отказаться от угощения казалось совершенно невозможным – их просьба помянуть ушедшего сына звучала так настойчиво и проникновенно, словно во мне они видели того, кого навсегда потеряли. Именно так они на меня и смотрели, как будто выхватывали взглядом из какой-то страшной и недоступной глубины. Всякий раз потом, когда я проходил мимо той могилы, мне все чудилась та окаменевшая в своем горе пожилая пара, и взгляд, которым они меня провожали.

Помимо этого символического присутствия смерти, были и куда более прозаические свидетельства ее участие в повседневной жизни обитателей бараков. Я помню ужасные крики свиньи, приговоренной к смерти, как металась по огороду обезглавленные отцом курицы – уж не знаю зачем, он брал меня с собой в качестве свидетеля, устраиваемых им казней, полагая, видимо, что это подходящая забава для шестилетнего ребенка. Куда более драматично я воспринимал свежевание кроликов, уход за которыми был отчасти возложен на меня. Всякий раз я умолял отца пощадить несчастное животное, но отец оставался неумолим. Помню, что я не мог сдерживать рыдания, и даже отказывался от мяса, но на следующий день уже забывал о своем горе, играя пушистым хвостиком, подаренным мне в утешение.

Однажды отец взял меня с собой в Москву. Он был железнодорожником и билет для него и членов семьи был бесплатным, чем он и пользовался, отправляясь в столицу за покупками

дефицитных товаров, которые он потом продавал на рынке по спекулятивным ценам. Несмотря на отцовское "предпринимательство" жили мы, мягко говоря, небогато.

В поезде я заболел "свинкой" и всю ночь не спал, борясь с температурой. Утром мы вышли на перрон. Вместо радостного удивления от встречи со столицей "нашей Родины", я переживал страшную жажду. Очень хотелось пить, я просил отца купить мне чай, но во всех кафе продавалось исключительно кофе, которого я терпеть не мог.

Мы вышли к Кремлю, и я увидел длинную очередь к мавзолею, начинавшуюся возле Вечного огня. Мы встали в хвост очереди, но терпения нам хватило минут на двадцать. Отца подгоняли дела, и мы отправились в ЦУМ, где толпы народа кочевали в бесконечном поиске дефицита. Отец оставил меня, в одном из переходов, вручив мне в руки любимое мною клубничное мороженое, а сам нырнул в человеческое море. Я старался есть его как можно медленнее, желая растянуть удовольствие, но в какой-то момент дно вафельного стаканчика не выдержало, и мороженое соскользнуло на пол. Я смотрел как оно медленно тает, растекаясь по полу и меня "душили" слезы, которые я едва сдерживал.

Спустя какое-то время, меня окружила толпа японцев с фотоаппаратами, которые принялись уговаривать меня выдать из себя "улыбочку", но мне было скорее страшно, чем весело, в этом безумном хаосе незнакомых азиатских лиц и фотовспышек. Вовремя подоспевший отец выхватил меня из толпы туристов, и мы отправились с ним на верхний этаж, где продавались игрушки, о чем мне пришлось отца буквально умолять.

В отделе игрушек, занимавшем, как мне показалось, целый этаж было непривычно пустынно. Первое, на что я нацелился – это был немецкий автомат на батарейках, но отец спустил меня с небес на землю, сказав, что его стоимость – шесть рублей, категорически не вписывается в бюджет, и мне стоит присмотреться к игрушкам попроще, если я не хочу остаться ни с чем. В итоге, мне достался пластмассовый танк на колесиках, и я помню, как волочил его за собой на веревке по булыжной мостовой Красной площади. На секунду я остановился, чтобы выковырять из нее маленький темный камешек, который долгое время служил мне напоминанием о моей первой встрече с Москвой.

Погорельцы

В бараках семья пережила развод. Отец увлекся красоткой, живущей по соседству с безвольным мужем, и мать не смогла простить ему измены, хотя до сих пор мирилась с его интрижками на стороне, в которых у него не было недостатка. Отец с юных лет пользовался успехом у женщин, благодаря своей выразительной внешности и взрывному темпераменту. В двенадцатилетнем возрасте у него уже была связь со взрослой женщиной, которая его соблазнила. Сначала отец пытался вернуть любовь матери, играя на ее материнских инстинктах. За несколько дней до того, как я должен был пойти в первый класс, он тайно вывез меня к своей сестре в Иркутск, где я и прожил чуть ли не до зимних каникул. Моя тетка жила в двухкомнатной квартире с двумя почти уже взрослыми детьми: мой двоюродный брат Вовка учился в техникуме, а сестра Алла училась в медучилище. Тетка была директором небольшого магазина, а ее муж работал на авиазаводе. Наш приезд с отцом был внезапным и неожиданным. Отец целыми днями где-то пропадал. То он пытался найти временную работу на мясокомбинате, то искал мне новую мать, то ездил в тайгу по ягоды, в общем я его почти не видел, а свое свободное время проводил, выпрашивая у прохожих мелочь, которую тратил на кино и марки из киоска Союзпечати. Отец устроил меня в школу, пообещав добыть со временем документы, но моими школьными успехами никто всерьез не интересовался. После теплой Украины суровая иркутская осень показалась мне жутко холодной. Я недоумевал почему люди не додумались до того, чтобы жечь на улицах костры, чтобы можно было обогреться по пути из дома в школу и обратно. Вскоре началась настоящая сибирская зима, а мне, приехавшему в летней одежде, пришлось примерять то, что отец наспех собрал по родственникам, включая кирзовые сапоги, которые я полюбил, мечтая стать военным. Выпавший снег вскоре утрамбовали колесами, и

я присоединился к забавам местной детворы, цепляющейся за борта проезжающих мимо грузовых автомобилей. Однажды я рассказал об этом своему двоюродному брату, и он пригрозил меня поколотить, если я не брошу эту затею. Однако вскоре брата посадили – он попал под следствие за убийство военкома, став случайным свидетелем того, как его друзья убегали с места преступления. Поскольку он соврал следователям, его посадили за недоносительство на два года. Семья тетки погрузилась в судебные хлопоты. Я научился самостоятельно жарить яйца, которые и служили основой моего дневного рациона. Помимо яиц, в доме у тетки не было недостатка в сладостях, ими я угощал соседскую детвору, от души наедаясь и сам, конечно.

В начале декабря мать в тайне увезла меня обратно на Украину, вернув в привычный мир теплой зимы, отапливаемой углем печи и одноэтажных бараков с крыльцом на два хозяина.

Усвоенные навыки попрошайничества помогали обновлять иркутскую коллекцию марок, но вскоре знакомые донесли маме о моем прибыльном ремесле и бизнес пришлось свернуть. Теперь деньги на марки приходилось зарабатывать успехами в учебе и хорошим поведением, что было непросто, учитывая те провалы и лакуны в моем образовании, которые образовались в Сибири. Выручало лишь то, что мой уровень чтения был выше, чем у моих школьных товарищей, а иначе бы мне пришлось смириться с участью изгоя.

Первое время мама опасалась внезапного возвращения отца и повторения истории с моим похищением, но постепенно успокоилась и жизнь вошла в привычное русло. Долгое время от него не было ни слуху ни духу, возможно он надеялся наладить новую жизнь в далеких краях, но похоже без особого успеха, потому что однажды он все-таки вернулся с не лучшими намерениями. К счастью, я не стал свидетелем происшествия, поскольку по сложившейся традиции лето проводил в пионерлагере. Отец напал на мать, когда она вернулась с работы. На ее счастье, она вошла в комнату не одна, а с подругой и это спасло ей жизнь. Ей удалось вырваться из удушающих объятий отца, а подруга позвала на помощь соседей. Изувеченное лицо матери, когда она приехала в пионерлагерь на свидание, произвело на меня сильное впечатление и навсегда зародило страх встречи с отцом. Отца посадили, и связь с ним ограничилась теми редкими письмами, что я получал от него с зоны. Через пару лет он вышел на поселение в Ростовской области, женился на женщине с маминым именем и отчеством, у которой был сын примерно моего возраста. Однажды он приехал в отпуск и упросил мать отпустить меня с ним на дневную прогулку. Надо ли говорить о том, что я боялся этой встречи, но постепенно отцу удалось растопить мою настороженность. Он не скупился на подарки, чего с ним раньше никогда не было. Кажется, он потратил на это все свои заработанные деньги, но я быстро вырос из тех игрушек, что он подарил, а спустя год мать получила телеграмму с извещением о гибели отца, покончившего жизнь самоубийством. На память о нем остался совместный снимок, сделанный в фотоателье в наше последнее с ним свидание. На снимке у меня испуганное лицо: фотограф просил, чтобы я держался поближе к отцу, а я думал о том, чтобы мама вдруг не подумала, что я ее предал.

Оформив развод, мать искала свое женское счастье, но несмотря на свою эффектную внешность ее преследовали неудачи. Одна из попыток привела в наш дом Фогеля, работавшего снабженцем на каком-то небольшом предприятии и разъезжавшем по городу на служебном автомобиле Москвич-комби, куда он забивал по осени арбузы с бахчи, и мы их ели чуть ли не до самой зимы, доставая из подвала. Фогель был скуп, и, хотя они завели с мамой совместное хозяйство, она не торопилась с замужеством. С приходом этого мужчины, в нашей семье появились новые традиции и обычаи, которые, по правде сказать, плохо приживались. Фогель запретил мне включать телевизор в дневное время, сам же он был весьма деятелен: он научил маму выращивать и шпиговать гусей, готовить блюда еврейской кухни, следил, чтобы все готовилось кошерно. Телевизор я все равно включал, и ему пришлось вынимать из него предохранитель, но и это не помогало, так как я был изобретателен и упрям. Больше всего Фогеля раздражало то, что я ничему не хочу у него учиться, но мне и без того хватало уроков,

а присутствие чужого человека в доме меня скорее сковывало, чем будило любознательность. Поскольку маленькая жилая комната не позволяла паре уединяться, на ночь они уходили в летнюю кухню, расположенную метрах в двухстах от барака. В одну из ночей к маме явился обманутый супруг той женщины, у которой с моим отцом был роман, и стал ломиться в дверь, требуя ему открыть. Супруг был пьян, разгорячен алкоголем, и был настроен решительно. Не зная, что делать, я взял в руки балалайку, уроки игры на которой брал в музыкальной школе, и принялся долбить ею в стену, рассчитывая разбудить соседей, но тех не оказалось дома. Работавшая санитаркой в больнице, соседка осталась ночевать пьяной на работе, а дочь Эльзу забрали соседи, как они это обычно делали в таких случаях. Сосед несколько раз уходил, но затем вновь возвращался. Разбив балалайку в щепки, я взял в руки топор, и так и заснул с топором в руках под утро, готовый отражать очередной штурм пьяного незнакомца, узнать в котором тихого соседа было совершенно невозможно.

Скупость Фогеля стала причиной участвовавших скандалов, в один из которых мама приняла решение избавиться от не оправдавшей надежды связи. Мужчина попытался шантажировать ее газовой плитой, но его тактика не принесла успех.

Фогель загрузил плитку в Москвич, выкурил пару сигарет и уехал. В подвале после него оставалось еще десяток арбузов.

Как-то к нам в гости из Сибири приехал дядя Боря. Дядя был настоящим балагуром, он знал и мастерски рассказывал тысячу смешных историй и анекдотов, был легок на подъем, подвижен и имел большой интерес к жизни. Поскольку дело было летом, он составлял мне компанию в походах на море – так мы называли Каховское водохранилище, воспетое в местном фольклоре в песне про никопольских малолеток, первые строки которой были чем-то вроде пароля и визитной карточки при общении с пацанами из других городов: "В Никополе на Каховском море, занялась багряная заря..."

Дядя Боря живо реагировал на местных красоток в бикини, которые весьма непосредственно выясняли отношения друг с другом прямо на пляже, что для меня было нормой, а дядя Боря то и дело цокал языком и восхищался:

– Надо же, как она ей сказала: "Падла!" Какой красивый язык!

Походы с ним были для меня праздником. Дядя не скупился ни на мороженое, ни на лимонад, а однажды ни с того ни сего взял и купил мне ласты. Ласты стоили что-то около семи рублей и это был самый дорогой подарок, который мне когда-либо делали. Ласты были детскими, как раз на мой возраст, жесткими и короткими, взрослые стоили что-то около одиннадцать карбованцев, но они мне были ни к чему. Благодаря этим ластам я самостоятельно научился плавать на спине, и это было что-то из области фантастики, поскольку держался я на воде плохо – ноги были слишком тяжелы и тянули на дно.

Дядя Боря уехал, а ласты остались. Осталась и моя привязанность к этому человеку, которого я полюбил за веселый нрав и щедрость. Но, кажется, это не слишком радовало мою прекрасную и замечательную маму, которая не выносила конкуренции. Она то и дело стала спекулировать тем, что отнимет у меня ласты за дурное поведение или какие-то мелкие огрехи. В какой-то момент я понял, что плотно сижу на крючке, и ласты стали приносить мне больше неприятностей, чем удовольствия. В момент какой-то особой досады я взял ласты и выбросил их в уличную уборную. Момент был коротким, но ярким как вспышка.

Мать сохраняла спокойствие, в то время как внутри меня все клокотало. Но в этой адской смеси досады и обиды на мать были и нотки доселе незнакомое мне торжества и гордости.

– Что ты теперь напишешь дяде Боре, если он спросит про ласты? – поинтересовалась мать.

– Скажу, что научился плавать без них.

Я и правда научился плавать без них, но дядя Боря так и не спросил.

Баракы были моим домом, их обитатели – наши соседи, – частью того мира, к которому я принадлежал, с его страстями, радостями, праздниками и ссорами, заканчивающимися порой драками, но эта кипящая событиями жизнь с переездом в отдельную благоустроенную квартиру внезапно прекратилась, как будто сцену, на которой все происходило, обесточил подвыпивший электрик, перерезавший провода. Мамина подруга, спасшая ей жизнь во время нападения отца, переехала в нашу комнату, но уже спустя пару лет баракы снесли, а ей дали благоустроенную квартиру в центре города. За год до расселения я приезжал к ней в гости, но так и не вышел во двор, чтобы встретиться со своими старыми друзьями. Детские привязанности и дружбы оборвались в один момент, я словно повзрослел на целую жизнь и потерял к ним интерес.

В нашей новой квартире началась моя жизнь трудного подростка, с которым у моей мамы не складывались отношения. Ей также не удавалось наладить свою личную жизнь, несмотря на многочисленные попытки. Свой летний отпуск она проводила на югах, а я в бесконечных пионерлагерях, пока после одной из самых неудачных смен я категорически не отказался больше куда-либо выезжать, проводя лето с дворовой шпаной на водохранилище, ловя раков и, стреляя сигареты у прохожих. Шпана промышляла мелким воровством, я стоял на шухере, но в дележе добычи участия не принимал, так как тяги к чужому имуществу никогда не имел: меня влекла дворовая романтика, в которой я видел ключ к быстрому взрослению. Поэтому и друзей я себе подбирал постарше. Был у меня друг – Коля Суббота, на четыре года меня старше – мне двенадцать, ему шестнадцать. Отец его работал мастером холодильных установок на мясокомбинате – в доме у них всегда была колбаса. Кольку он поколачивал, и было за что. Парнишка рос цыганистым, и по крови, и по повадкам. Крепко сбитый, кудрявый, чернявый, учиться не любил. Любил по окрестностям шарить, воровал по мелочи, в общем, свободной жизни человек.

Однажды подбил я Колю на товарняк сесть и уехать куда подальше. Всю ночь мы ехали в открытом вагоне в прекрасные дали; ветер свободы опьянял, но ночью пошел дождь, и стало уже не так весело. На какой-то станции поезд остановился. Мы выбрались из вагона и побрели под ливнем в поисках убежища, но вместо этого наткнулись на наряд транспортной милиции, и те долго нас ловили между составами. Утром выяснилось, что мы оказались в соседнем городе за две сотни километров от дома. Денег было пять копеек мелочью. Колька украл бутылку пива и выпил. Бутылку мы сдали, сложили капиталы и на эти деньги купили две булочки. Мои вельветовые туфли под дождем порвались и стало понятно, что до Черного моря в них не дойдешь. Домой мы попали поздно вечером. С момента нашего побега прошли сутки, нас уже искали. Не сколько Кольку, сколько меня. Душа была полна раскаяния. Единственным бонусом того приключения было то, что мужик, с которым у матери были какие-то, вроде, серьезные отношения, решил не связываться с женщиной с проблемным подростком, сел на свой красивый красный мотоцикл "Ява-спорт" и уехал из моей жизни навсегда.

А Колька после школы пошел на кирпичный завод работать. Днем он ходил в цех, а вечерами сидел со взрослыми парнями на лавочке во дворе и играл в карты. Пару раз я к нему подходил, но он всем своим видом давал понять, что с малолетками больше не общается – у него теперь свои серьезные дела. Вскоре его делами заинтересовался уголовный розыск и Кольку посадили. За пустяки, можно сказать, на пять лет: вскрывал мой бывший товарищ автомобили и выдирали из них магнитолы. Талантливый и пытливый был парнишка, в отца, видать, к технике тянулся. Домой Колька не вернулся, в тюрьме его и пришили.

В классе шестом, наверное, стояли мы на перемене и толкались в коридоре, ожидая открытия кабинета. Работал принцип домино: толкаешь крайнего, а падает кто-то на другом конце. В общем, обычная школьная безобидная заваруха. Неожиданно надо мной суровой тенью нависает завуч – заслуженный учитель социалистической республики, преподававшая украинскую мову в старших классах:

– Тебе весело? Ты над чем смеёшься? Над тем, что твой товарищ упал?
– Да. А, что, нельзя смеяться?
– Нет, нельзя!
– Ха-ха-ха! – смеюсь я ей в лицо.
– Получай! – в ушах звенит от хлесткой пощёчины.
– Вот это да! – окружают меня одноклассники, мгновенно забывшие о проказах. – Ну, все, тебе конец!

К счастью, прогнозу не суждено было сбыться. Мама вскоре поняла, что надо срочно что-то менять в нашей жизни, иначе меня ждала колония для несовершеннолетних, а ее одиночество. Посоветовавшись со мной, мама приняла решение завербоваться на работу на Сахалин. Я поддержал ее решение, так как уже чувствовал, что границы маленького провинциального украинского городка становятся мне тесны. Мама через министерство образования списалась с директором детского сада в поселке под Южно-Сахалинском, и та предложила ей должность методиста, и комнату в общежитии. Она заказала контейнер, я помог ей загрузить вещи, мы нагрузили сумки консервированными овощами, и отправились в путь. По дороге, пару недель мы провели в гостях у маминой сестры, которая жила с мужем в бабушкином доме, расположенном в бывшем монастырском владении, одного из отдаленных районов Иркутска, в роще, носившем наименование по разбитому в этих местах в семнадцатом веке монашескому скиту. Дом стоял на берегу заросшего камышом болота, в окружении высоких сосен и разросшейся черемухи. В детстве я собирал здесь грибы, безошибочно определяя среди них съедобные. Это была настоящая охота, которую я предвкушал с вечера, упрасывая бабушку, уходя на работу, оставлять мне в сенях лукошко, но бабушка постоянно забывала это сделать, возможно опасаясь, что одинокие прогулки пятилетнего мальчишки по роще могут быть не безопасны.

Бабушкин дом, стоящей в сени действующей церкви, был местом таинственным и загадочным, пронизанным запахами хвои и старого дерева, где я чувствовал себя Одиссеем, вернувшимся после долгого путешествия к родным берегам. Еще одна иллюзия, которую мне предстояло пережить, но в тот наш с мамой приезд мне было вольно и весело. Учебный год уже начался, а наше путешествие едва достигло своей середины. Все самое интересное было впереди, я будто бы перешел рубеж, отделявший меня от подростковой бесправности. Я курил с мужем моей тетки папиросы, гонял с ним на мотоцикле, обмирая от страха на виражах от его полупьяного удалства, до утра зачитывался Мопассаном. Муж тетки рассказывал забавные анекдоты из жизни своего тестя – контуженного фронтовика, после смерти бабушки, заливавшего свое горе водкой. Дед, в свою очередь, тайно жаловался матери на то, что зять его связывает и избивает, что он настоящий фашист, который оттачивает свои приемы издевательств над пациентами медвытрезвителя, где работал зять. С нашим приездом я видел деда всего дважды. Где он ночевал, чем питался оставалось загадкой. На мои расспросы тетка отвечала как-то неопределенно, с ее слов дед практически круглосуточно работал сторожем на мясокомбинате, там же спал и столовался, беспокоиться было не о чем.

Островитянин

С первыми утренними заморозками, в конце сентября мы вылетели в Южно-Сахалинск. Сахалин – это остров. Остров на краю земли. Сопки, туманы, леса, медведи, лосось. Место, словно созданное специально для таких, склонных к бродяжничеству подростков, каким был я в тринадцать лет. Здесь никого не удивляло, что ты хочешь сорваться в лес, в тайгу, пройти неизведанными тропами, покорить вершину. Здесь можно было шататься по лесу часами, до изнеможения. К подросткам на острове относились почти как к взрослым. Никто не занимался их перевоспитанием, потому что они с детства включались во взрослую жизнь: ловили рыбу, копали картошку, помогали выращивать овощи на огородах, собирали в лесу ягоду и грибы, ходили за папоротником и черемшой.

Я приехал на Сахалин с Украины, и для меня такая жизнь была в диковинку. Меня манили сопки, манила тайга, я чувствовал запах свободы, который веет над этими местами.

Первую неделю прожили в квартире новой маминой начальницы, а через неделю переехали в общежитие. Поселок, в котором нам предстояло жить, находился в паре десятков километров от областного центра, куда ходил регулярный автобус. В первый свой день по дороге в школу будущий одноклассник угостил меня папиросой, выкурив которую я на некоторое время лишился дара речи и с трудом смог найти класс, в котором мне предстояло учиться. Школа была большой, трехэтажной, с просторным актовым залом, служившем столовой, огромным стадионом и теплицей. К школе прилегал сад, служивший предметом особой гордости школьной администрации, но со временем сад зарос и там находили себе убежище прогульщики, любители покурить и потолковать по душам.

Моим товарищем и соседом по парте в новой школе оказался Сергей О. Я поначалу недоумевал, что у человека может быть фамилия, состоящая из одной буквы, и даже залез в школьный журнал, чтобы убедиться в том, что это не ошибка, но никакой ошибки не было, Сергей был сахалинским корейцем, и полное его имя было О Су Ден, для простоты сокращаемое до Сергея О.

С Сергеем мы часто ездили гулять в Южно-Сахалинск, где он вместо посещения изостудии, спускал отпущенные матерью деньги на сигареты и мороженое. Для этих вояжей он выражался в кожаные штаны, и мы, гуляя по центральным улицам областного города, наслаждались произведенным на горожан эффектом. Мода тех лет была куда строже и любое отступление от стандартов в одежде воспринималось как вызов общественному вкусу.

Благодаря Сергею я познакомился с бытом и кухней корейской семьи и даже однажды осмелился похлебать суп, приготовленный из собаки. Серега был бесхитростным парнем, он принял обложку моего дневника, который на украинском языке именовался «Щоденником» за некий фирменный лейбл, и предлагал мне за него пятнадцать рублей. Цена была ровно в сто раз выше номинала. Я не согласился лишь из соображений порядочности, так как знал истинную цену этому «диву» и не желал пользоваться простодушием своего товарища.

Поскольку контроля за мной никакого не было, я мог неделями не ходить на занятия. Так, однажды, я подбил Сергея О, и мы две недели вместо школы громили деревянные строения летнего трудового лагеря. Закончить этот тренинг в импровизированном лагере боевиков я предполагал поджогом, но нам помешали наши одноклассники, принесшие дурную весть о том, что классная руководительница собирается нагрянуть к родителям с выяснением причин нашего двухнедельного отсутствия на занятиях.

Для Сереги это означало неминуемую физическую расправу дома и, чтобы как-то выйти из сложной ситуации, я предложил ему побегать босиком по снегу, чтобы слечь в постель с ангиной и, тем самым, закрыть прогулы справкой по болезни. Несмотря на всю абсурдность идеи, Серега старательно в течение получаса добросовестно воплощал ее в жизнь. В моей памяти осталась картинка яркого солнечного дня на окраине поселка, ослепительно белый снег и мой бесхитростный друг, скачущий по долине, покрытой льдом небольшой речушки. В какой-то момент он поскальзывается и падает без сил. Я сочувствую товарищу, но, вместе с тем, в глубине души, меня разрывает от смеха.

– Все, достаточно! – решаю я – Теперь точно заболеешь.

Серега не заболел, и мы были вынуждены пойти к классной руководительнице с повинной. На удивление, эта мудрая женщина нас простила, с условием немедленной явки на занятия.

Чтобы закончить рассказ о Сереге, я должен забежать немного вперед, и рассказать о том, что жизнь его сложилась не очень удачно. Его мать, работавшая на Сахалине портнихой, вместе с младшим сыном, в конце девяностых уехала в Южную Корею, где жила на скромную пенсию. Серега остался в отцовском доме, пытался поступить в институт, но провалив вступи-

тельные экзамены, ушел работать на стройку. В девяностые занялся упаковочным бизнесом, но прогорел.

Сергей так и не женился, детей у него не было, жил огородом, выпивал. За год до его смерти, впервые за тридцать пять лет, я поговорил с ним по телефону. Серега жаловался на временные трудности, но не унывал и собирался подкопить денег и съездить ко мне в гости. Мне обидно, как незаметно и покорно мои одноклассники уходят из жизни. Мне хочется задать вопрос о том, какой в этом был смысл, и мне не хочется думать, что его не было: так ярко и по сей день воспоминание о том ослепительном солнечном зимнем дне, где мой друг бегаёт босиком по белому снегу вдоль замерзшей речки.

Для седьмого класса я выглядел вполне взрослым, мне без проблем уже продавали и сигареты, и спиртные напитки, но, к своему удивлению, я обнаружил, что мои одноклассники мало уступали мне в росте и физическом развитии. Витя Бархатов, например, даже намного превосходил, что не удивительно, учитывая то, что он дважды просидел в одном и том же классе. В общем, я напрягся, поскольку по опыту знал, как трудно новичку завоевать авторитет в новом коллективе, и внутренне приготовился к тому, что мне придется первые дни участвовать в гладиаторских схватках после уроков во дворе. Впрочем, я зря напрягался, одноклассники приняли меня на удивление дружелюбно, чего не скажешь о старшеклассниках, которые неожиданно увидели во мне конкурента за сердца прекрасной половины. Многие из них дружили с моими одноклассниками и не желали видеть никого, кто мог бы помешать развитию этих отношений. К счастью для меня, я оказался не один в таком сложном положении. Миша Попов считался в классе бесспорным плейбоем. И физически, и материально он вполне соответствовал этому статусу. Отец Мишки ходил в загранку и регулярно привозил ему оттуда музыкальные новинки, джинсы, «Кока-Колу» и чувство превосходства над окружающими, которое он с удовольствием и по праву носил. Не сразу, но довольно скоро мы стали друзьями. Дружбе нашей способствовали ещё и то обстоятельство, что Мишка тоже был чужаком. Он перевёлся в обычную поселковую школу из школы с углублённым изучением английского языка Южно-Сахалинска, считающейся элитной. Дружить с Мишкой было непросто, он находился в постоянной конкуренции со всем миром, а подколы и насмешки были естественным стилем его общения.

Как-то после уроков мы спонтанно поднялись с ним на пик Чехова. Не зная дороги, не имея цели, мы шли вверх по тропинке, подначивая друг друга, и на закате вышли к вершине. Вокруг расстился ковер из ярко-красной брусники, с вершины открывался вид на южную оконечность острова, окруженного морем. Видимость была идеальной, открывшаяся нам картина, казалась вымыслом художника.

Возвращались уже в сумерках. Поскольку родители не были предупреждены о наших планах, я был уверен, что нас уже ищут. Но Мишка хвастливо уверял меня, что его родители приучены к тому, что он может приходить домой во сколько ему вздумается – никому в голову не придет его искать. Добравшись до поселка, мы разошлись каждый в своем направлении. К моему удивлению, когда я поднялся к себе на этаж, Мишкина мама уже сидела у нас на диване, и пила успокаивающие таблетки. По телевизору шла программа «Время» с вечерними новостями.

Через неделю мне удалось повторить восхождение, но на этот раз мы вышли с моим одноклассником Андреем Пасошниковым – Мишку непустили родители.

Мы вышли ещё позже, но я убеждал Андрея, что мы заночуем в домике на вершине горы, который я заметил в прошлый раз. По дороге нас несколько раз полил прохладный осенний дождик, который потом уже не прекращался всю ночь. В полной темноте, под порывами сильного ветра, уже совершенно обессиленные, мы добрались до домика, который никак нас не защищал ни от сильнейших порывов ветра, ни от холода. Нам так и не удалось разжечь огонь и мы, обнявшись, забылись сном на бетонном полу, куда мы наспех набросали еловых

веток. Но мы не спали, а бредили наяву, причем нам снились одни и те же картины: прилетал вертолет и снимал нас с горы. От обезвоживания судорогой сводило ноги, каждые пять минут приходилось бегать в туалет. Мы едва дождались рассвета, и, как только скрылись звезды, мы начали спуск вниз.

Домик, который послужил нам укрытием, оказался полуразрушенным синтоистским храмом богини солнца Аматаэрасу, построенный в период японского владения. Сорок два года спустя, я совершил ритуальное восхождение на гору, чтобы поблагодарить богиню за наше спасение.

Джинсы Мишка носил под страхом остаться в трусах, но всякий раз удавалось вывернуться из щекотливых ситуаций. Однажды в центре Южно-Сахалинска, куда мы приехали с целью привести в трепет местных красоток, с него сняли фирменные солнцезащитные очки Менты, к которым он обратился, вычислили, что с собой у него был штык-нож, который он отдал грабителям в надежде откупиться. Из потерпевшего Мишка переквалифицировался в преступника. Лишь благодаря вмешательству родителей, его отпустили, а очки перекочевали в руки оперов.

Как-то у меня в раздевалке украли новую кроличью шапку, а когда стали выяснять ценность пропажи, Мишка с усмешкой объявил, что пропаже грош цена, не стоит хлопот. Так я лишился и шапки, и друга одним днем.

Я пережил Мишку уже на тридцать лет. В девяностые его убили в тяжбе за морские ресурсы Сахалинского шельфа, которые он грабил, не желая ни с кем делиться – таков характер героев 90-х. Один выстрел в живот и контрольный в голову. Другой мой одноклассник, работавший в ту ночь в смене, производил вскрытие. Ах, Мишка-Мишка, хрен бы с той кроличьей шапкой, и в самом деле.

На Сахалине, в отличие от украинских школ, была традиция отправлять школьников по осени на уборку урожая. Школьники эту забаву любили и воспринимали как дополнительные каникулы, где не только получали трудовое воспитание, но и закалялись физически.

Новость о том, что нам предстоит ехать в колхоз на уборку турнепса, или кузики, как его именовали местные, я воспринял с осторожностью. Когда я прибыл на сборный пункт, мои одноклассники и одноклассницы, а также ученики из параллельных классов, уже заполнили площадку перед школой, расхаживая в резиновых сапогах, телогрейках и с огромными, напоминающими мачете, ножами за поясом. Моему удивлению не было предела, но те, в свою очередь, посмеялись над моим кухонным ножом, который я притащил с собой.

– Этим ты ботву не отсечёшь, щегол, – важно сказал мне дважды второгодник Витька Бархатов. – Будешь с девками работать.

С "девками" работать было весело. С кузики нас перевели на морковь и разбитные девицы, намазав щеки свежей свеклой, заостряли мое внимание на причудливых корнеплодах с двумя ножками и небольшим отростком между ними.

Не помню, как получилось, но я подбил ребят "свалить" с полей в сторону реки, где, по их рассказам, должна была проходить "путина". Горбуша шла на нерест, и ее, якобы, можно было поймать голыми руками. К моему удивлению, так оно и было: рыба сплавлялась по реке, но уже отметаив икру: вниз по течению сплавлялись избитые на перекатах, обречённые на гибель особи. И все же, нам удалось среди них выловить одного прилично выглядевшего самца, которого и вручили мне в качестве трофея. Вернувшись с полей с рыбой, я немало удивил родителей своей промысловой сметкой, о которой прежде они не подозревали.

Что же касается обычая приносить с собой на уборку турнепса мачете, то он был отменён уже после того, как один из учеников порезал старшеклассника, в отместку за издевательства, которым тот его подвергал.

Девочки, показывавшие мне морковь с "особенностями роста", после восьмого класса покинули школу, и вскоре выскочили замуж. Одна из них родила после восьмого класса от учи-

теля английского языка. Беременность несовершеннолетней девочки в восьмом классе поставила крест на педагогической карьере педагога-новатора. Ему пришлось развестись с женой, бросив ее с двумя детьми, и жениться на своей ученице. После восьмого класса девочка поступила в техникум, родила ребенка, больше о ней я ничего не знаю. Надо сказать, что девочка была вполне зрелой, и мне на себе как-то пришлось испытать силу ее привлекательности, когда мы случайно встретились с ней в набитом битком автобусе. Девочка села ко мне на колени, мои ноги оказались между ее ног, рукой она ласково приглаживала пробивающиеся у меня на груди волосы и при этом что-то нежное ворковала мне на ухо.

Курить ходили за угол в любое время года. Директор школы лично лупил курильщиков если ловил их в туалете. С опоздавшими на урок тоже боролся физически. Один раз, правда, его ученик в ответ по голове звонком ударил, пришлось директору в темных очках недели три в школу ходить. Ну, а в остальном золотой мужик. Я постоянно на уроки опаздывал, но он со мной не боролся, а любил про коммунизм поговорить. Заведет, бывало, в свой кабинет и начнет вопросы задавать:

- Ты, в коммунизм веришь?
- Не верю.
- Как так, почему?
- Не верю я в сознательность. Не будет народ за бесплатно работать.
- Зря не веришь. Я бывал на больших заводах, там народ уже почти в коммунизме живет.

Вот ты куда после восьмого класса пойдешь?

- Возьму газету, почитаю куда училища приглашают, туда и пойду. Может на пчеловода.
- На пчеловода, говоришь, ну-ну.
- Эх, – говорит, – уйдут старики, не на кого будет страну оставить.

Как в воду глядел, дядька. А я к концу года тройки исправил, курить бросил, и в девятый класс, подальше от завода. Коммунизм без меня так и не построили.

Моя одноклассница сейчас в этой школе учителем работает. Отстроили ее – не узнать. А на входе баннер с Чарльзом Дарвином повесили: «Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всего приспосабливается к изменениям». Борис Федорович бы не одобрил.

Школьный коллектив состоял как из русских, так и корейцев, проживавших на Сахалине со времени японской оккупации, куда их завезли в качестве дешевой рабочей силы. Старшее поколение говорила по-русски с акцентом, корейская молодежь практически ничем не отличалась от нас, за исключением того, что не имела советского гражданства, а, следовательно, не могла покидать остров без особого разрешения властей. Корейских подростков отличала невиданная среди русских ребят сплоченность. Сбиваясь в ватаги они завоевали улицы поселка городского типа, не мудрено, что всякий приезжий сталкивался с давлением и попытками подчинения с их стороны. Через год жизни под прессом, мне пришлось записаться в спортивную секцию, и из шатающегося по окрестностям без цели подростка, превратиться в атлета, завоевывающего на первенствах области по боксу призовые места. Мои школьные успехи тоже начали заметно прогрессировать, и вместо мореходки, куда на самом деле собирался после восьмого класса поначалу, я пошел в девятый класс.

Мама в общежитии познакомилась с разведенным инженером-строителем из Красноярска и переехали жить в его комнату на втором этаже, мне же досталась комната на первом, и в ней я и зажил, практически, самостоятельно, поднимаясь на второй этаж только для того, чтобы перекусить, или сыграть партию в шахматы с Константиновичем, с которым у меня установились взаимно уважительные отношения. На сороковом году жизни мама вступила с ним в свой второй брак, и это стабилизировало ее эмоционально. Финансово наша жизнь мало изменилась – Константинович выплачивал алименты на двоих детей, но я был неприхотлив, да и мама привыкла во всем рассчитывать на себя. В Красноярске у моего новоиспеченного

отца оказалась однокомнатная квартира, которую удалось удачно поменять на двушку в центре Южно-Сахалинска. Летом, в год московской олимпиады, из поселка городского типа мы переехали в областной центр. Встал вопрос о смене школы, но я отказался забирать документы, мне совсем не хотелось вновь самоутверждаться в новом коллективе. Я принял решение тратить полчаса на то, чтобы ездить на автобусе в Луговое, и столько же обратно, лишь бы не подвергать себя рискам перемен. В нашей новой квартире у меня была своя комната, я посещал в городе спортивную секцию и лишь первую половину дня посвящал учебе, которая давалась мне легко, благодаря отлаженному как часы расписанию. Мама получила место директора детского сада по соседству с домом, Константинович ушел со стройки и устроился инженером в проектный институт, располагавшийся в соседнем дворе. Жизнь обретала контуры стабильности, которую, казалось, ничто не могло поколебать. Богатая природа острова захватывала мое воображение, я мог целыми днями ходить по лесу в полном одиночестве в поиске ягод и грибов, меня влекло в сопки, возвышающиеся над городом, чтобы ощутить вкус настоящего приключения, немыслимого для подростка, приехавшего из Украины.

К девятому классу я так и не решил, какую себе профессию выбрать. Я с раннего детства хотел выучить иностранный язык, но школа была плохим подспорьем в моих планах. В Луговом учителя английского языка не было месяцами. После особо затянувшейся на несколько месяцев паузы в преподавании английского, в классе вдруг появилась довольно странного вида этническая кореянка, которая и на русском-то говорила с заметным акцентом.

Ее появление в классе для нас было полной неожиданностью. Мы даже не сразу обратили на нее внимание, продолжая каждый заниматься своим делом: кто-то делал домашнее задание, кто-то готовился к следующему уроку, девочки вязали, мальчики играли в морской бой. Чтобы ее наконец заметили, учительнице пришлось возвысить свой голос до истерических высот.

– Всем встать! Кто староста класса? Немедленно доложите мне, какую вы сейчас тему проходите?

Староста класса – Ольга Чепелева, – спокойно и вежливо, донесла до этой странной женщины, что последний урок английского у нас был полтора месяца назад, и никто уже не помнит, на чем мы тогда остановились.

Это была сущая правда, училке можно было бы смело начинать с самых азов.

– Вы лентяи! – неожиданно пошла на обострение новенькая, – Вас бы как комсомольцев тридцатых годов – на черный хлеб и воду!

Такой заход мне понравился. Я почувствовал в ней потенциал и, отложив все свои праздные занятия, приготовился к настоящему шоу. Мои одноклассники тоже приободрились, понимая, что долго она на таких дрожжах в классе не протянет.

– Ладно, – слегка переведя дух, – продолжила она – Я прочту вам один отрывок из литературного произведения, а затем задам вам вопросы, чтобы определить уровень вашего понимания.

По лицам одноклассников было понятно, что идея изначально провальная. Понять текст на слух с нашим уровнем английского было немыслимо. Закончив читать, учительница обратилась к классу:

– Ну, что? О чем этот текст?

Я, разумеется, тоже не понял ни строчки, но решил взять на себя инициативу, поскольку финал был для меня и так понятен – скандал неминуем, нужно помочь учительнице сделать правильное решение и не затягивать со своим уходом из школы.

– Об алкашах.

– О двух приятелях. – поправила меня учительница. – И что с ним случилось? Куда они пошли?

– В кабак! – нагло развалившись на задней парте, озвучил я первую пришедшую мне на ум версию.

Училка с удивлением посмотрела на меня, и продолжила чтение, оставив мои слова без комментариев.

– Ну, – спросила она класс, – и что они там сделали?

– Они там напились! – не оставил я героям ни единого шанса. Я просто нарывался на конфликт и шел к нему самой короткой дорогой.

– Как ваша фамилия? – спросила меня англичанка.

Я представился.

– Я ставлю вам пятерку.

По классу прокатился вздох изумления. Никогда прежде я не блистал на уроках английского, но с этого совершенно случайного и незаслуженного успеха, началось мое восхождение на лингвистический Олимп. По счастливому стечению обстоятельств, учительница зачитала отрывок из рассказа О-Генри, где автор повествовал о пьяных приключениях своих героев, и так случилось, что я угадал основную канву развития сюжета, не имея к этому ни малейших оснований.

С той поры, нас с этой довольно прямодушной и не слишком далекой учительницей связала чистая и искренняя любовь. Это была любовь к английскому языку. Она тратила на меня все свои силы, знания и педагогические таланты. Когда я принял решение поступать в институт иностранных языков, она совершенно бескорыстно стала давать мне дополнительные уроки. Возможно, я и сам слегка уверовал в свои мистические способности к языкам. Как часто случай играет нами, и мы, порой, в отсутствии иных руководящих знаков, хватаемся за него, как за перст судьбы.

Я так хотел закончить красиво этот сюжет с английским языком, что даже поехал в Америку учить язык на пятом десятке. Нет, я не стал классиком английской литературы. Зато я научился убирать туалеты в американской школе. Кто бы пошел на такие жертвы ради русского языка?

После девятого класса, на каникулах, я поехал с мамой и отчимом на Северный Кавказ отдыхать. Это был 1981 год, и Северный Кавказ ассоциировался тогда исключительно с отдыхом. Как тогда любили говорить: лучше Северный Кавказ, чем южный Сахалин, вот мы как раз из Южно-Сахалинск и поехали, наверное, чтобы лучше разобраться, чем он этот Кавказ лучше. Отчим мой – Владимир Константинович, был человек серьезный, строитель по образованию, но артист в душе – любил в свободное от работы время под коньячок исполнять песни из репертуара Шаляпина – что мне, признаться, нравилось не очень, зато его рассказы я слушал с удовольствием. Константиныч любил рассказывать занимательные истории из своей геологической юности, а также предшествующего юности детства, которое он провел в городе Ессентуки, Ставропольского края. Судя по его ностальгическим воспоминаниям, город был весьма хорош, особенно в летнюю пору, когда туда стекались курортники и любители одноименной минеральной воды со всего Союза. Вода меня тогда совсем не интересовала, лечить мне еще было нечего, но перед поездкой меня уверили, что там мы долго не задержимся – повидаем родителей отчима, а дальше отправимся к Черному морю, которое, судя по карте, находилось где-то не очень далеко, аккуратно через Кавказский хребет, перемахнуть который такому спортивному и физически здоровому парню не составит большого труда – это они так надо мной шутили, одновременно вселяя надежду на крупные приключения, которые ждали впереди.

Встреча с родителями отчима оказалась в меру дружественной и теплой. Был накрыт стол, ломившийся от плодов и даров Всесоюзной кавказской здравницы, подняты тосты за знакомство, которые запивали той самой лечебной водой, заботливо принесенной гостеприимными стариками из ближайшего источника. Вода мне категорически не понравилась, через неделю я уже заскучал и стал интересоваться туристическими маршрутами, пролегающими

через Кавказский хребет. Чтобы меня как-то отвлечь, а также в целях заработать денег на поездку, мне предложили принять участие в продаже зелени на рынке. Дело в том, что у стариков был большой огород и, время от времени, они вывозили излишки на рынок, где довольно прибыльно их реализовывали. Самый хороший рынок, по их словам, был в Кисловодске – городе, где каждый день бывает солнце, удивительно чистый воздух и не такая противная вода. До Кисловодска полчаса езды на электричке, но прибыль обещала многократно перекрыть все транспортные расходы. Торговать решено было в ближайшие выходные. Предмет торговли зелень: пучки зеленого лука, укропа, петрушки, кинзы. Я скептически смотрел на перспективы обогащения за счет какой-то травы, но старики были уверены в барыше.

В субботу я стоял на рынке Кисловодска и бойко торговал зеленью. На удивление, покупатели у меня не переводились. Некоторые пытались со мной торговаться, но я был строг и, согласно инструкциям, уступал максимум пять копеек за пучок. Если люди настолько безумны, что соглашались платить деньги за траву, пусть делают это по полной цене, решил я. А, надо сказать, цена за траву была не хилой, так, например, за пучок кинзы я просил тридцать копеек, за петрушку двадцать, укроп уступал за пятнадцать. Торговать оказалось вовсе не так скучно, как я думал. Покупатели периодически вступали со мной в диалоги, пытались выяснить какой я национальности, и сколько денег я зарабатываю за день стояния за прилавком. Типичный диалог с местными брюнетистыми матронами строился примерно так:

– Продай кинзу за двадцать.

– Не могу, мамка не разрешает.

– Че ты такой злой, ты кто вообще, какой национальности?

– Русский я.

– Ты?! Русский?! Откуда русским на рынке взяться? Ты где родился?

– В Сибири.

Тетка хватается за бока и хохочет каждой округлостью своего тела.

– А звать тебя как, сибиряк?

– Алик.

– Какой же ты русский, врешь ты все – наш ты! Ладно, не хочешь говорить – не надо, вот тебе рубль, давай четыре пучка кинзы, насмешил ты меня!

За два часа торговли я распродал всю зелень и научился разговаривать с легким кавказским акцентом.

Вернувшись после каникул на остров, я чувствовал, что в моем багаже появилась еще одна идентичность, которой можно воспользоваться при случае. Случай представился, когда меня призвали в армию. Группа новобранцев, заходя в часть, гордо объявляла себя призывниками с Кавказа. Это сулило поддержку «земляков», отличающихся мужественностью и сплоченностью.

На Сахалине я встал на лыжи, переломав с десяток пар на уроках физкультуре, полюбил крутые горки и полные адреналина спуски по горнолыжным трассам Горного воздуха. Я научился ловить идущий на нерест лосось голыми руками, готовить корейские блюда из папоротника и гигантских размеров лопухов, откапывать из песка мидии в Анивском заливе и готовить их на костре прямо на берегу. Я бы никогда не покинул острова, если бы не необходимость продолжить образование после окончания школы. Единственный на острове педагогический институт не имел военной кафедры, что гарантированно означало призыв в армию после первого курса. Меня тянуло в Иркутск, поближе к дому моей бабушке, где в заманчивой тени монашеского скита хранились скрижали моего будущего. Я так увлекался этими видениями наяву, что не сомневался в успехе. Казалось, что и тетка поддерживала идею поступления в иркутский вуз, обещая предоставить мне кров под крышей бабушкиного дома.

Иркутск-Иркутск

Я прилетел в Иркутск в пасмурную погоду, таксист в аэропорту, которому я назвал адрес: Роцца-скит, дом номер семь, с недоумением почесал в затылке, но решил действовать по обстановке, выпытывая у меня детали по ходу движения. Я попросил его остановить за мостом, чтобы не плутать по переулкам, а напрямую спуститься к черным от времени стенам сибирского сруба, зажатою между болотом, мостом и, покрашенной в зеленый цвет ограды деревянного храма, с колокольной наверху.

Вопреки ожиданиям, моя жизнь у тетки оказалась недолгой. Я с треском провалил вступительные экзамены в институт иностранных языков имени Хо Ши Мина, и, недолго думая, перебрал документы в иркутское училище, готовившее киномехаников. Училище платило студентам повышенную стипендию в размере семидесяти пяти рублей, давало отсрочку от армии на год, иногородним предоставляло общежитие. За год я рассчитывал подготовиться к новой попытке поступления, на этот раз выбрав университет имени Жданова, исторический факультет. Училище располагалось в том же районе, что и бабушкин дом, большинство будущих киномехаников были из отдаленных районов Иркутской и Якутской области, остро нуждающихся в работниках культурно-массовой сферы, поэтому министерство культуры доплачивало к стандартной стипендии пару десятков рублей, что позволяло свести концы с концами. Учиться было несложно, к технике я никогда не тяготел, но выучить теорию не составляло труда. Я поставил себе целью получить красный диплом, что на выпуске освобождало меня от необходимости работать по распределению, а также давало льготу при поступлении в высшее учебное заведение. Жизнь у тетки вскоре была омрачена сценами ревности, которые регулярно устраивал ее муж, грозя неверной жене расправой. Мне пришлось вступить, и я немедленно был выдворен им из дома в один день. Он погрузил все мои вещи в автомобиль Москвич, и вывез меня к одинокой старухе – крестной моей матери, доживающей свой век в полуразвалившейся хибаре у железнодорожного полотна. Мама любила свою безграмотную тетку по отцу и не видела в такой перемене ничего дурного. Но жизнь с больной старухой оказалась куда труднее, чем она могла себе представить. Дом, стоящий в болотистой местности, повело от времени, полы вспучились, в подполье постоянно стояла вода, по дому бегали крысы, матерый кот с обгрызенными ушами по ночам вступал с грызунами в жестокие схватки. Я частенько просыпался от крысиного визга, но вскоре привык, и уже воспринимал эту ночную жизнь как фон. Куда сложнее оказалось зимовать в плохо утепленном доме, приходилось ночами топить печь углем, но к утру мокрая тряпка все равно примерзала к полу. Воду доставляли в бидонах на тележке с ближайшей колонки, но в особо сильные морозы, когда колонка перемерзала, приходилось совершать рейды в поисках источников воды по всему околотку, прилегающему к железнодорожному полотну. Весь этот район был застроен частными домами, периода возникновения вокруг станции Иркутск-сортировочный стихийного поселка рабочих, называвшийся в народе Порт-Артуром. Однажды я стал свидетелем того, как Евгений Евтушенко снимал здесь эпизод для своего фильма «Детский сад», разместив табличку станция «Зима» на фронте деревянного здания вокзала Иркутск-сортировочный. Обстановка вокруг была аутентичной эпохе сибирского детства знаменитого поэта, и даже костюмерам можно было особо не заморачиваться, объявив сбор массовки среди местного люда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.